БИБЛІОТЕКА СПОЛОХИ

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

НА ЗАРѢ

И ДР. РАЗСКАЗЫ

1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

5 812

III

РЗ [illegible]

DV

БИБЛИОТЕКА
[illegible]

217
27 +

ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S 14
DRESDNER STR. 82

ОТЪ АВТОРА

ТРИ разсказа, вошедшіе въ эту книжку, принадлежатъ къ числу самыхъ раннихъ моихъ сочиненій. „Разрывъ“ появился въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1888 г., „На зарѣ“ и „Ребенокъ“ въ „Новомъ Обозрѣніи“ Н. Я. Николадзе 1889—1891 г.г. Потомъ они вошли въ книжку „Случайныхъ разсказовъ“—большую рѣдкость, такъ какъ она не поступила въ продажу. А потомъ во всѣ изданія первой серіи разсказовъ „Бабы и дамы“. Сюжетъ „Разрыва“ я вывезъ изъ Казани, гдѣ въ 1887 г. приключилось нѣчто подобное.

Александръ Амфитеатровъ

Levanto,
1922. IX 25

НА ЗАРѢ

ДАРЬЯ Ивановна Кирибѣева не спитъ, хотя уже далеко за полночь, и въ открытыя окна давно дышитъ прохладой и сыростью предразсвѣтный вѣтерокъ, свѣжими, бодрящими струями наплывая въ темную, душную ночь съ большой горной рѣки, съ шумомъ и грохотомъ держащей черезъ городъ свой путь къ морю. Господствующія надъ городомъ горы чуть видны во мракѣ, но на востокѣ ихъ линія выступаетъ яснѣе, и небо надъ нею подернуто мутными, бѣлесоватыми полосами, предвѣстниками близкой зари, такъ хорошо знакомыми Дарьѣ Ивановнѣ. Она уже забыла, когда спала ночи. Уложивъ съ вечера дѣтей въ постели и сама прикурнувъ возлѣ нихъ, она дремлетъ часъ-другой — чутко вздрагивая отъ малѣйшаго шороха въ домѣ, постоянно готовая открыть глаза. Едва сонъ становится крѣпче, Дарью

Ивановну начинаетъ душить кошмаръ, — она просыпается подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь страшнаго видѣнія, въ холодномъ поту, съ усиленно бьющимся отъ испуга сердцемъ, и уже не въ состояніи вторично сомкнуть рѣсницы. Она встаетъ съ постели, уходитъ изъ дѣтской, зажигаетъ въ гостиной свѣчи и до зари бродитъ, какъ привидѣніе, по своей маленькой квартирѣ, волоча за собой концы длинной, накинутой на голыя плечи, шали и шлепая надѣтыми на босую ногу туфлями безъ задковъ... Подойдетъ къ фотографіямъ, развѣшаннымъ въ гостиной надъ диваномъ, пересмотритъ въ тысячный разъ ихъ знакомыя лица; развернетъ попавшуюся подъ руки книгу, прочтетъ три строки, зѣвнетъ и броситъ; усядется писать письма, начнетъ „милостивый государь“ или „многоуважаемая“, задумается и оставитъ перо; заглянетъ въ буфетъ, машинально возьметъ и съѣстъ что-нибудь оставшееся отъ ужина; найдетъ карты, — пасьянсъ раскладываетъ... Скучно, нѣтъ мочи ни спать, ни работать, ни развлечь себя;

лицо горитъ; въ головѣ пустота, — вмѣсто мыслей, какая-то стукотня въ виски, досадная, утомительная, безтолковая. Ночь надоѣдаетъ страшно, уличный мракъ, глядясь въ окна, пугаетъ воображеніе, вгоняетъ въ тоску. Дарья Ивановна ждетъ, не дождется, пока надъ чернымъ силуэтомъ далекаго крутого холма не покажется сперва слабо мерцающее сіяніе, а потомъ не выступитъ громадная свѣтло-зеленая звѣзда: это Венера; вышла она, — значитъ, скоро и утро.

Къ безсонницѣ Дарьи Ивановны домашніе относятся довольно невнимательно: привыкли, — исторія тянется пятый годъ. Прежде ее жалѣли, безпокоились о ней, теперь перестали. Что-жъ? вѣдь она, въ сущности, всѣмъ здоровая женщина, полная, крѣпкая, отъ безсонницы не изводится и не худѣетъ, день-деньской шьетъ, учитъ младшихъ дѣтишекъ, распоряжается по хозяйству и, на взглядъ, не особенно устаетъ къ вечеру. Правда, цвѣтъ лица у нея въ послѣднее время сталъ какимъ-то бурымъ, землистымъ, и ужъ слишкомъ много морщинокъ побѣ-

жало отъ глазъ къ вискамъ и на щеки; но, вѣдь, нельзя же вѣкъ цвѣсти розою. Дарьѣ Ивановнѣ тридцать шесть лѣтъ, у нея семеро ребятъ!..

Всѣ въ домѣ, кому надо рано вставать, поручаютъ будить ихъ Дарьѣ Ивановнѣ. Въ шесть часовъ она стучитъ въ дверь каморки, гдѣ спитъ ея старшій сынъ, гимназистъ-восьмиклассникъ:

— Сережа! вставай!

Черезъ полчаса Сережа приходитъ въ столовую, умытый, одѣтый, но заспанный, зѣвая во весь ротъ.

— Ты, мамаша, опять не спала? — всегда спрашиваетъ онъ съ равнодушнымъ удивленіемъ, такъ только — для приличія, чтобы соблюсти форму.

— Нѣтъ... Когда же я сплю?

— Чертъ знаетъ, что такое!.. Ты бы хоть къ доктору сходила, что ли...

— Не помогаютъ мнѣ доктора... Вонъ хлоралъ-гидратъ глотаю, — никакой пользы... Не опіумъ же принимать!..

— Все-таки слѣдуетъ посовѣтоваться. Нельзя же такъ: ты посмотри, какіе у тебя глаза.

Глаза у Дарьи Ивановны по утрамъ, дѣйствительно, бываютъ очень нехороши, и она не любитъ видѣть себя въ зеркалѣ послѣ безсонницы. Не потому, чтобъ она находила себя некрасивой: объ этомъ она, пять лѣтъ вдова, старѣющаяся, увядшая женщина, трудящаяся мать разореннаго семейства, не имѣетъ ни охоты, ни времени думать. Но ей всякій разъ кажется, будто въ стеклѣ отражается не ея лицо, а чье-то чужое, странное, нервное, съ затаеннымъ раздраженіемъ въ каждой черточкѣ и съ чѣмъ-то тупымъ и непріятнымъ въ расширенныхъ зрачкахъ усталыхъ глазъ. Дарьѣ Ивановнѣ представляется въ такія минуты, что она похожа на сумасшедшую, — помѣшательства же она боится больше всего на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно предсказано ей однимъ знаменитымъ медикомъ.

Глядя на свѣтлѣющій востокъ, Дарья Ивановна вспомнила, что младшія дочки — семилѣтняя Соня и шестилѣтняя Лиза — умоляли ее вечеромъ поднять ихъ на зарѣ. Зачѣмъ — бишь? Да!.. Русачка — няня увѣрила дѣвочекъ, будто зав-

тра солнышко весну красну встрѣчаетъ и съ радости играетъ на восходѣ разными цвѣтами.

Дѣтямъ захотѣлось посмотрѣть, какъ это бываетъ. Дарья Ивановна усмѣхнулась. Она сама когда-то, живучи на своемъ глухомъ черниговскомъ хуторѣ, изъ года въ годъ собиралась наблюдать эту сказочную игру солнца и всякій разъ просыпала зарю. Но однажды — уже не ребенкомъ, а, восемнадцатилѣтней красивой дѣвушкой — она встала во-время, на разсвѣтѣ; въ ставни ея спальни сильно постучали, и, преодолѣвъ сонъ, она наскоро одѣлась, какъ попало, и выбѣжала на крыльцо, дрожа отъ утренняго холода и вся горя счастливымъ, молодымъ румянцемъ. На крыльцѣ ее ожидалъ молодой сосѣдъ, техникъ съ ближняго рафинаднаго завода. Онъ былъ въ кожаной шведской курткѣ и высокихъ сапогахъ; съ его картуза стекали дождевыя капли.

— Эка погодка-то!... — встрѣтилъ онъ Дарью Ивановну.

— И дождь, и снѣгъ... и чертъ, и дьяволъ! Небо сѣрое, — хоть солдатамъ на шинели его перекроить... Солнышко нынче надуло насъ съ вами основательно.

— Ничего! — весело отвѣтила Дарья Ивановна, садясь на перила крыльца, — тучи еще могутъ разойтись.

— Блаженъ, кто вѣруетъ. А я думалъ, что вы, услыхавъ, какъ дождь барабанитъ по крышѣ, и встать не захотите.

— Вотъ хорошо!.. Какъ же это, если я дала вамъ слово вчера вечеромъ? Я никогда не лгу... Ну, пока солнце не показалось, извольте говорить что-нибудь, развлекайте меня, занимайте!

— Хорошо-съ. Только... Вотъ мы съ вами сейчасъ одни, — такъ я воспользуюсь случаемъ и лучше, чѣмъ переливать изъ пустого въ порожнее, скажу вамъ серьезное слово. Вы, Даня, знаете, что я васъ люблю?

Дарья Ивановна испуганно взглянула на него, потомъ потупилась:

— Знаю, — робко сказала она наконецъ.

— А... а замужъ за меня пойдете?

— Пойду, — послышался тихій отвѣтъ, послѣ еще длиннѣйшей паузы.

Молодой человѣкъ радостно вскрикнулъ, схватилъ дѣвушку въ объятія, поднялъ на свою широкую грудь и началъ цѣловать. У нея духъ захватило, ей было и стыдно, и хорошо, а счастья такъ много нахлынуло въ душу, что оно и улыбкой засіяло на покраснѣвшемъ, какъ макъ, лицѣ, и слезами излилось изъ умиленныхъ глазъ. Началась та быстрая и живая болтовня — такая глупая и пустая для посторонняго уха, такая многозначительная для самихъ влюбленныхъ, — на которую способны только очень молодые люди съ сильнымъ, свѣжимъ, искреннимъ и откровеннымъ чувствомъ. Дождь пересталъ. Но тучи попрежнему висѣли на небѣ, хотя кое-гдѣ между переливами темно-сѣраго фона проступили румяныя пятна — отблески пылавшей подъ облачнымъ покровомъ невидимки-зари.

— Вотъ и напрасно ты говорилъ, что солнце не будетъ играть! — говорила Дарья Ивановна жениху. — Ви-

дишь, какая прелесть? видишь? Я такого чуднаго утра не запомню! Посмотри, что дѣлается на небѣ: вонъ тамъ, на облакѣ, словно красный звѣрь какой-нибудь протянулъ лапы, тамъ совсѣмъ Аравія вышла, будто ее съ карты сняли... Ахъ, какъ хорошо! красиво! весело!

Женихъ любовался ею.

— Это, Даня, не солнце играетъ... — улыбаясь, замѣтилъ онъ. — Это, фантазерка ты моя, въ насъ съ тобой разгулялась молодая жизнь, любовь, наше счастье: оттого такъ и хорошо, и красиво, и весело.

Но она зажала ему ротъ рукою.

— Неправда! Солнце, солнце, солнце!.. — со смѣхомъ твердила она.

Дарья Ивановна вздохнула... Какъ, однако, давно это было, и какъ много воды утекло съ того счастливаго утра! Словно весь міръ перемѣнился: другой край, другіе люди кругомъ, другія обстоятельства переживаются... И она совсѣмъ другая... Дарья Ивановна равнодушно посмотрѣла на свою увядшую грудь, на потемнѣвшія плечи: гдѣ та Да-

ня, хорошенькая, свѣжая, беззаботная, которую за смѣхъ и пѣсни знакомые звали „попрыгуньей-стрекозой“ ? . .

„Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза!“

съ горькой улыбкой подумала Дарья Ивановна. Ахъ, какъ рѣзко и рано измѣнила ей жизнь и обратила ее въ нуль! Ни молодости, ни здоровья, ни денегъ... Любовь была, — мужъ уже вотъ пять лѣтъ лежитъ въ могилѣ тамъ, возлѣ бѣлой церкви, на высокой длинной горѣ, похожей на тушу допотопнаго чудовища, которому поручено охранять своей богатырскою мощью сокровища города, расположеннаго у его ногъ. Съ того-то времени и начались для Дарьи Ивановны эти безсонныя ночи, эта жизнь ночного привидѣнія; тогда-то и появился у нея, загадочный притупленный взглядъ, полный угрозою близкаго безумія. А вѣдь странно: когда мужъ умеръ, Дарья Ивановна не казалась слишкомъ пораженною, — довольно спокойно распоряжалась похоронами, почти не плакала и не

то, чтобы сдерживалась, — нѣтъ, просто не хотѣла плакать; только голова у нея все время некрасиво тряслась, и отчего-то холодно ей было, не смотря на жаркую пору; и ее сильно смущало и раздражало, что она не въ силахъ ни согрѣться, ни остановить этого непроизвольнаго дрожанія головы. Впослѣдствіи Дарья Ивановна не слишкомъ часто вспоминала покойнаго мужа такъ, чтобы сосредоточить на его памяти всѣ свои мысли; но ей не разъ казалось, что со времени его смерти она чуть ли не совсѣмъ потеряла способность внимательно думать, подолгу останавливаться на одномъ и томъ же предметѣ, и очень плохо запоминаетъ текущую жизнь. Все, повидимому, идетъ въ порядкѣ. Дарья Ивановна — и мать образцовая, и хозяйка отличная, и женщина честная; семья ея растетъ, развивается, кругомъ ключемъ кипитъ дѣтскій юный бытъ; но ей какъ-то безынтересно все это: она и обязанности свои выполняетъ, и въ семейныхъ радостяхъ и волненіяхъ участвуетъ поверхностно, по привычкѣ, машинально и пото-

му лишь, что такъ надо, — втайнѣ ко всему равнодушная, почти холодная.

— Мертвая среди живыхъ!.. сказала про себя Дарья Ивановна, покачала головой и, слабо махнувъ рукой, сѣла на подоконникъ. Утро вставало великолѣпное. Небо позеленѣло, свѣтлое и прозрачное, какъ аквамаринъ. За хребтомъ высокой восточной горы, откуда надо было ждать солнца, висѣло сизое облако, и на его полѣ ярко обозначились пять расходящихся толстыхъ полосъ бѣлаго свѣта — точно спицы колесъ въ повозкѣ Гелiоса, готоваго помчать въ мiровое пространство своихъ огнедышащихъ коней. Разбуженныя свѣтомъ, мелкiя тучки сорвались съ уступовъ, дававшихъ имъ ночной прiютъ, и то румяныя, то золотыя, быстро поплыли вразбродъ надъ долиною, гдѣ еще царили длинныя черныя тѣни, властно покрывая сонный городъ и мутную, строптивую рѣку. Но вотъ косой лучъ ударилъ откуда-то въ высокую жестяную крышу большой церкви, разбился на ней въ милliоны искръ и, гигантскимъ зайчикомъ, перепрыгнувъ

черезъ широкую, обсаженную деревьями улицу, заигралъ на окнахъ противоположныхъ зданій. За этимъ лучемъ, какъ за первымъ солдатомъ, ворвавшимся въ непріятельскую крѣпость, посыпались въ городъ другіе лучи, улицы переполнились блескомъ выкатившагося на гору солнца и стали просыпаться, подъ веселый птичій крикъ.

Дарья Ивановна смотрѣла на сіяющее утро, дышала его воздухомъ, но какъ будто не видала его, не замѣчала, что творится въ природѣ. Ей было не до утра и не до торжествующаго солнца: мысль ея ушла въ далекое прошлое и утонула въ немъ...

За дверью послышался топотъ дѣтскихъ ножекъ, и въ комнату вбѣжали Соня и Лиза — босыя, въ однѣхъ рубашенкахъ, съ нерасчесанными головками. Онѣ протирали кулачками слипающіеся глаза.

— Что же это, мамочка?! — чуть не плача, лепетали онѣ, — мы проспали... Зачѣмъ же ты не разбудила насъ смотрѣть, какъ солнышко играетъ? Мы такъ тебя просили... Какая ты недобрая!

Дарья Ивановна посмотрѣла на нихъ съ недоумѣніемъ, словно тоже спросонья.

— Ахъ, да... солнышко! — тихо сказала она съ жалкой улыбкой, — оно не играло сегодня, дѣти... Да, кажется, и никогда ужъ больше не будетъ играть!

И, не слушая дѣтской жалобной воркотни, понуро и медленно побрела въ кухню сказать кухаркѣ, чтобы та поскорѣе ставила самоваръ.

Тифлисъ
1889

РАЗРЫВЪ

ИВАНЪ Карповичъ Тишенко, старшій столоначальникъ въ отдѣленіи Препонъ департамента Противодѣйствій, давно уже очнулся отъ послѣобѣденнаго сна, но все еще сидѣлъ на кровати, зѣвалъ, тупо вглядываясь въ свѣтовую полосу, брошенную на полъ темной спальни, сквозь полуотворенную дверь, лампою столовой, и злился — безпричинно, тяжело, надуто, какъ умѣютъ злиться только полнокровные и съ дурнымъ пищевареніемъ люди, когда доспятъ до прилива въ головѣ. Его раздражало — то зачѣмъ онъ такъ долго спалъ, то зачѣмъ его разбудили. Шумъ самовара, звяканье чашекъ въ столовой били его по нервамъ. Хотѣлось сорвать злость хоть на чемъ-нибудь. Ивана Карповича уже три раза звали пить чай, дважды онъ промолчалъ, а на третій разъ сердито крикнулъ: — „Знаю! слышалъ! можно, кажется, не

приставать, пощадить человѣка!“ — и, хотя чаю ему очень хотѣлось, нарочно, на зло просидѣлъ въ темнотѣ еще нѣсколько минутъ. Наконецъ, всталъ, накинулъ халатъ, вдѣлъ ноги въ туфли, — и, при первомъ же шагѣ, споткнулся на что-то. Поднялъ, посмотрѣлъ: старый женскій башмакъ.

— Бросаетъ тутъ... гадость какая! — съ сердцемъ проворчалъ онъ и швырнулъ башмакъ въ уголъ.

По тому, какъ порывисто Иванъ Карповичъ хлебалъ горячій чай, и по толстой сердитой морщинѣ на его лбу, Аннушка, домоправительница Тишенко, догадалась, что баринъ сильно не въ духѣ. Она испуганно молчала, исподлобья и украдкой поглядывая на Ивана Карповича блестящими голубыми глазами. Иванъ Карповичъ поймалъ одинъ изъ этихъ робкихъ взглядовъ.

— Позвольте васъ спросить, — ехидно и рѣзко сказалъ онъ, глядя въ сторону, — долго ли еще мнѣ пріучать васъ къ порядку? Расшвыриваете у меня въ комнатѣ обувь свою прелестную... очень

мило!.. Ко мнѣ ходятъ товарищи, порядочные люди; коли сами срамиться желаете, срамитесь, сколько угодно, но меня срамить я вамъ запрещаю.

Аннушка испугалась еще больше, покраснѣла, какъ кумачъ, и едва не уронила изъ задрожавшихъ рукъ чайникъ.

— Виновата, Иванъ Карповичъ, — сейчасъ приберу, забыла...

Она вышла. Иванъ Карповичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и презрительно покачалъ головой. Ему было досадно, что Аннушка и на этотъ разъ проявила обычную, много лѣтъ ему знакомую покорность, не возразила и не дала ему отвести душу въ легкой ссорѣ.

— Фу, какъ глупа и тупа! — подумалъ онъ, — самыхъ простыхъ и первоначальныхъ правъ своихъ не понимаетъ, а туда же еще зовется женщиной! Какая это женщина? такъ, — красивый кусокъ мяса... Да и что красиваго? Одни тѣлеса! Отпустилъ Богъ двадцать фунтовъ грудей, — только и всей радости... Корова! Вымя!

Напившись чаю, Иванъ Карповичъ переодѣлся на вечеръ щеголемъ, взялъ

шапку и, не взглянувъ на Аннушку, вышелъ со двора.

Онъ отправился въ гости къ своему сослуживцу Бѣлоносову. Бѣлоносовъ — человѣкъ семейный и обременный дѣтьми, — жилъ тѣмъ не менѣе открыто; у него сидѣло на шеѣ четыре взрослыхъ дочери: ради ихъ устройства Бѣлоносовъ принималъ гостей больше и чаще, чѣмъ желалъ и былъ въ состояніи. Иванъ Карповичъ нашелъ у него большое общество — все молодежь. „Пріятно проведу время," рѣшилъ онъ, и недавней сонной досады какъ не бывало. Онъ сдѣлался и веселъ, и развязенъ, разсказалъ Бѣлоносову служебный анекдотъ, мадамъ Бѣлоносовой сообщилъ рецептъ отъ ревматизма, а когда барышни затѣяли petits jeux и танцы подъ фортепіано, оказался самымъ дѣятельнымъ и интереснымъ кавалеромъ. Танцуя кадриль съ младшей Бѣлоносовой, Линой, красивой дѣвушкой, похожей на Тамару съ извѣстной гравюры Зичи, Тишенко смѣшилъ свою даму каламбурами, допытывался, въ кого она влюблена, сказалъ ей про ея сходство

съ Тамарой. Барышня смѣялась и не безъ интереса поглядывала на своего кавалера. Однако старики Бѣлоносовы, наблюдавшіе танцующихъ взорами и умиленными, и дѣловыми вмѣстѣ, строили довольно кислыя гримасы, когда на глаза имъ попадались Лина и Тишенко въ парѣ. Послѣ кадрили мать отозвала Лину.

— Ты съ Тишенко много не танцуй, — внушила она, — онъ, конечно, недуренъ собой и умѣетъ держаться въ обществѣ, но онъ женатый, хоть и врозь съ женой живетъ. Про него ходятъ нехорошіе слухи. Нечего тебѣ, дѣвушкѣ, съ нимъ знаться. Дурные люди сплетни по знакомымъ разнесутъ, да и самъ голубчикъ — извѣстный сахаръ-медовичъ! втрое нахвастаетъ...

И во весь вечеръ затѣмъ Тишенко не удалось уже ни слова сказать съ m-lle Бѣлоносовой.

Возвращался домой Иванъ Карповичъ поздно и немного пьяный. По дорогѣ имъ опять овладѣли злыя, мрачныя мысли.

— Завидно, право, завидно, — думалъ онъ, — умѣютъ же люди жить! Какой

нибудь Бѣлоносовъ—что онъ?—тля, безпросвѣтный чинуша. По службѣ идетъ скверно, у начальства числится въ круглыхъ дуракахъ, необразованъ... а вотъ, поди же ты, какъ у него хорошо! Жена, дочери, приличное общество... ахъ, какое это великое дѣло! Право, въ семьѣ онъ даже не такъ глупъ кажется, — что значитъ свое гнѣздо! И себѣ спокойно, и люди уважаютъ.

Онъ гнѣвно отбросилъ носкомъ сапога попавшій подъ ноги окурокъ.

— А вотъ меня не уважаютъ, — продолжалъ онъ грызть себя, — да, по правдѣ сказать, не за что и уважать. Что въ томъ, что я университетскій, и голову на плечахъ имѣю, и собою не уродъ? Университетскій, а служу въ такомъ учрежденіи, что, при порядочномъ человѣкѣ, и назвать-то конфузно: такъ его печать заплевала... Знаю, что пакости служу, а служу, у начальства на лучшемъ замѣчаніи, награды получаю, — ничего, не претитъ! Идеалы прежніе — тю-тю! выдохлись! Даже и не вспоминаешь никогда прошлаго — нарочно не

вспоминаешь, потому что, какъ сообразишь, сколько было тогда мыслей въ головѣ и огня въ сердцѣ, и какая осталась теперь пустота и тамъ, и тамъ, — такъ даже жутко дѣлается. Да! старое ушло, а новаго ничего не пришло. Зависть беретъ даже на Бѣлоносовыхъ. У нихъ, какое ни есть, а все-таки житье-бытье: ругайте его филистерствомъ, мѣщанствомъ, — все-таки люди хоть спокойны, пожалуй, даже и счастливы. Буржуйство, такъ буржуйство! Пролетаріатъ, такъ пролетаріатъ! А у меня — ни то, ни се, чертъ знаетъ что! Вся жизнь — какое-то тупое прозябаніе съ злостью вперемежку. Опустился чертъ знаетъ до чего!

Онъ почти подходилъ къ своей квартирѣ.

Эта Линочка слишкомъ замѣтно перемѣнилась ко мнѣ сегодня. Ей, должно быть, сказали про меня какую нибудь мерзость. Вѣдь у этихъ филистеровъ сплетенъ не оберешься. Мѣщанское счастье строится на мѣщанской добродѣтели, а мѣщанская добродѣтель — на кодексѣ изъ сплетенъ и предразсудковъ. Меня въ такихъ кружкахъ принимаютъ скрѣпя

сердце, потому что я — сослуживецъ и человѣкъ нужный; потому еще, пожалуй, что я умѣю быть забавнымъ, расшевеливать веревочные нервы ихнихъ Сонь, Лизъ, Лиль... А спросите-ка хоть тѣхъ же Бѣлоносовыхъ: что за птица Тишенко? — пойдетъ писать губернія! Жену бросилъ, ведетъ безнравственную жизнь... Ну, и бросилъ! ну, и веду, чтобъ вы всѣ пропали!..

Онъ, злобно закусивъ губы, позвонилъ у своего подъѣзда. Ему не отворяли. Иванъ Карповичъ вынулъ изъ кармана квартирный ключъ и самъ отперъ дверь.

— Анна спитъ... „сномъ сморило", — брезгливо засмѣялся онъ, — тѣмъ лучше, разговоровъ не будетъ. А то началось бы: гдѣ вы, Иванъ Карповичъ, побывали? да весело ли вамъ было? да отчего отъ васъ духами пахнетъ? Ахъ, несчастье мое! Вотъ изъ-за кого пропала моя репутація. Пока не было Анны, — куда еще ни шло: ругали меня, но были и защитники. Иные даже считали меня несчастной жертвой супружескихъ недоразумѣній... Обзавелся этимъ со-

кровищемъ — и пошелъ крикъ: Тишенко совсѣмъ опустился, связался съ мѣщанкой... Тьфу! И что я въ ней нашелъ? Богъ мой, Богъ мой! какъ она нелѣпа и скучна! Какъ можно было такъ дико увлечься, взять ее въ домъ? А вѣдь, стыдно вспомнить — было время, когда я ползалъ на колѣняхъ, платье ея цѣловалъ. Тьфу! Вымя!

Тишенко съ отвращеніемъ и страданіемъ поморщился, и жалѣя себя, и брезгуя собою въ прошломъ. Онъ провелъ безсонную ночь, и когда утромъ Аннушка постучала въ дверь спальни, будя барина на службу, то на этотъ стукъ въ умѣ Ивана Карповича отвѣтила уже твердо сложившаяся мысль:

— Нѣтъ баста! Надо отдѣлаться отъ Анны! надоѣла! пора!

Однако, еще дня два-три послѣ того Иванъ Карповичъ не находилъ въ себѣ силы нанести первый ударъ этому кроткому созданію — и безропотному, и безпомощному. Безволіе, несносная назойливость совѣстливой жалости, томившей и нывшей на перекоръ желанію, дразни-

ли его и выводили изъ себя. Все время онъ былъ невозможенъ: придирался по пустякамъ, ругался, кричалъ, только что не дрался. Аннушка, запуганная до полусмерти, ничего не понимая, въ конецъ растерявшись, не знала, какъ быть и что дѣлать, и, въ тяжелыя минуты грубыхъ сценъ, отдѣлывалась своимъ обычнымъ молчаніемъ, лишь трусливо вздрагивая при слишкомъ ужъ грубыхъ и громкихъ окрикахъ. Порою глаза ея заплывали слезами, но плакать она не рѣшалась: Иванъ Карповичъ не терпѣлъ слезъ. Наконецъ, Тишенко рѣшился.

Онъ что-то не потрафилъ по службѣ, получилъ замѣчаніе и пришелъ домой къ обѣду, бурый съ лица отъ разлившейся желчи.

— Анна! — сурово сказалъ онъ, — мнѣ надо поговорить съ тобой.

Пока Тишенко обиняками намекалъ о необходимости разойтись, Аннушка стояла, прислонившись къ дверной притолокѣ. и перебирала пальцами складки передника,

По лицу ея и потупленнымъ глазамъ не видно было, понимаетъ ли она господскія слова. Тишенко говорилъ сперва

довольно мягко; онъ нѣсколько разъ прерывалъ рѣчь, выжидая, не вставитъ ли Аннушка слово, но она молчала. Мало-по-малу Иванъ Карпопичъ началъ горячиться и наконецъ вскрикнулъ уже совсѣмъ злобнымъ голосомъ:

— Ты мнѣ не нужна больше... Я тебя разлюбилъ... Уходи! Понимаешь?

— Вся ваша воля... — отвѣтила Аннушка, стоя все такъ же съ понуренной головой и опущенными глазами.

Иванъ Карповичъ былъ озадаченъ. Онъ ждалъ если не отчаянной сцены, то хоть слезъ. Ему самому очень трудно далось это объясненіе, и по себѣ онъ судилъ, какъ должно быть тяжело Аннушкѣ.

— Вотъ и прекрасно, вотъ и умница, бормоталъ онъ, — и... я очень радъ, что мы разстанемся друзьями. Я, конечно, имѣю въ отношеніи тебя обязанности... Я человѣкъ увлекающійся, но честный, и помогу тебѣ устроиться.

— Нешто вы хотите прогнать меня? — перебила Аннушка, поднимая глаза. Тишенко изумленно развелъ руками.

— Я отъ васъ, Иванъ Карповичъ, не уйду, — продолжала Аннушка, и губы ея сжались такъ крѣпко, въ глазахъ засвѣтилась такая твердая рѣшимость, что Иванъ Карповичъ растерялся. Оба молчали.

— Какъ же ты не уйдешь? — началъ Тишенко сдержаннымъ тономъ, медленно и солидно, — если я тебѣ говорю, что намъ нельзя жить вмѣстѣ, что я тебя разлюбилъ...

Аннушка снова потупилась.

— Меня-то, небось, вы не спросили, разлюбила ли я васъ... — тихо молвила она. Иванъ Карповичъ сконфузился.

— Очень мнѣ надо! — съ откровенной досадой проворчалъ онъ.

— Мнѣ отъ васъ итти некуда, Иванъ Карповичъ! — говорила Аннушка, глядя ему въ лицо, — я безродная: вся тутъ, какъ есть. Крестъ на шеѣ, да душа — только у меня всего имущества, гдѣ моя душа пристала, тамъ мнѣ и быть. Что вы меня разлюбили — это ваша воля, а уйти отъ васъ мнѣ никакъ нельзя... Помереть лучше...

— Скажите какъ трогательно! — прервалъ Тишенко, — не безпокойся, матушка, цѣла будешь. Повторяю тебѣ, я человѣкъ не дурной и о тебѣ позабочусь. На улицѣ не останешься. Прачечную, бѣлошвейную, модную мастерскую открой — что хочешь... Я тебя поддержу. А не то просто деньгами возьми.

— Не надо мнѣ ничего, Иванъ Карповичъ. Я не уйду.

Тишенко уговаривалъ Аннушку, представлялъ ей резоны, просилъ, потомъ сталъ грозить, кричалъ, топоталъ ногами, потомъ опять просилъ, потомъ опять кричалъ, пока не свалился въ кресла, совсѣмъ обезсиленный волненіемъ и гнѣвомъ, въ поту и осипшій.

— Охъ, не могу больше! — въ отчаяніи застоналъ онъ, — пошла вонъ!..

Получасомъ позже Иванъ Карповичъ заглянулъ къ Аннушкѣ на кухню. Молодая женщина сидѣла за шитьемъ.

— Я ухожу, Анна, — сказалъ онъ спокойно, какъ могъ, — вотъ, смотри: я кладу на столъ конвертъ, здѣсь тысяча

рублей, это твои... Прощай!.. не поминай лихомъ, — добромъ, правду сказать, не за что, — а, главное, уходи! сейчасъ же уходи! Берегись, чтобы я тебя не засталъ, когда вернусь: не хорошо будетъ.

Аннушка затворила за бариномъ на подъѣздѣ, сѣла въ передней на стулъ и просидѣла неподвижно весь вечеръ, безсмысленно уставивъ помутившіеся, почти немигающіе, глаза на уличный фонарь за окномъ. Наступили сумерки, въ фонарѣ вспыхнулъ газъ, — Аннушка сидѣла, какъ мертвая, не мѣняя ни позы, ни выраженія въ лицѣ. Она не спала, но и наяву не была, потому что ничего не понимала изъ того, что видѣла и слышала. Мысль всегда шевелилась въ ея простоватой головѣ не очень то бойко, а теперь эта голова была какъ будто совсѣмъ пустая: тяжелое, точно свинецъ, безмыслiе царило въ пораженномъ, придавленномъ внезапною бѣдою, мозгу...

Поздней ночью Иванъ Карповичъ нашелъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ и оцѣпенѣлъ отъ изумленія.

— Да что ты, шутки со мною шутишь?! — закричалъ онъ, хватая Аннушку за плечо... Она очнулась, перевела свои глаза — неподвижные, съ страннымъ тусклымъ свѣтомъ зрачковъ — на красное, искаженное гнѣвомъ лицо Тишенко и, какъ спросонья, пролепетала:

— Не... пой... ду...

Казалось, она продолжала давешній разговоръ, точно онъ и не прерывался для нея...

„У нея были голубые глаза, а теперь какіе-то сѣрые, свинцовые“... — подумалъ Тишенко; эта перемѣна покоробила его не то страхомъ, не то отвращеніемъ, — ему стало жутко. Онъ ушелъ въ спальню въ глубокомъ недоумѣніи, совсѣмъ сбитый съ толку поведеніемъ Анны.

Сдѣлай любовница ему скандалъ, ударь его ножомъ, подожги квартиру, — онъ зналъ бы, какъ себя вести, но ея нѣмое, страдательное упорство парализовало его собственную мысль и волю. Анна знаетъ, что Тишенко — человѣкъ раздражительный до самозабвенія; года два тому назадъ, въ минуту бѣшенства, онъ,

изъ-за какихъ-то пустяковъ, пустилъ въ нее гимнастической гирей, фунтовъ пятнадцати вѣсомъ... какъ только Богъ ее уберегъ! — Знаетъ, а все-таки играетъ съ нимъ въ опасную игру. Что за дурь на нее нашла? Аффектъ у нея, что-ли, какъ теперь принято выражаться? „Вздоръ! — громко подумалъ Иванъ Карповичъ, — какіе у нея, коровы, аффекты!.. Аффекты докторишками и адвокатишками выдуманы, чтобы перемывать разныхъ мерзавцевъ съ чернаго на бѣлое... Просто притворствуетъ и ломается... Знаемъ мы!“

Мысль о притворствѣ Аннушки понравилась Ивану Карповичу; онъ съ удовольствіемъ остановился на ней.

— Погоди же! — волновался онъ, — утромъ я тебѣ покажу, какъ играть комедіи. Не уходишь честью, — за городовымъ пошлю... да!.. Ночью не стоитъ заводить исторію, а чуть свѣтъ...

Спать онъ не могъ. Фигура Аннушки, понуро сидящей въ передней, медленно плавала передъ его глазами, отгоняя дремоту отъ изголовья.

— Боюсь я что ли ее? — проворчалъ онъ, и гордость гнѣвно забушевала въ немъ.

Безсонница продолжалась, тоска и гнѣвъ росли; къ нимъ прибавилась головная боль съ сердцебіеніемъ, стукотней въ виски, дурнымъ вкусомъ во рту... Иванъ Карповичъ не вытерпѣлъ, вскочилъ съ постели, накинулъ халатъ и пошелъ провѣдать Аннушку. Та же неподвижная фигура на стулѣ встрѣтила его тѣмъ же стекляннымъ взглядомъ... Не спитъ!..

Тишенко открылъ ротъ, чтобы выбраниться, но осѣкся на полусловѣ. Морозъ побѣжалъ мурашками у него по спинѣ, волосы на головѣ зашевелились... Онъ быстро отвернулся и почти побѣжалъ назадъ въ спальню. Когда онъ сѣлъ на кровать, то почувствовалъ, что его бьетъ сильная лихорадка — все тѣло мерзнетъ и дрожитъ, точно въ каждую жилку его, вмѣсто крови, налита ртуть. Онъ слышалъ, какъ бьется сердце — часто и гулко, словно въ пустотѣ, и ему, дѣйствительно, казалось, будто въ груди его образовалась какая-то огромная яма, гдѣ

медленно поднимается и опускается, какъ шаръ, истерическое удушье...

— Я, кажется, очень испугался... — шепталъ онъ, уткнувъ лицо въ подушку, но не смѣя погасить свѣчу, — это... очень странно и глупо... никогда въ жизни я ничего не боялся... но она такая чудная... О, подлая! до чего довела! — вскрикнулъ онъ со скрипомъ зубовъ, всталъ и принялся ходить по спальнѣ.

Ходьба помогла ему. Истерическій шаръ отошелъ отъ горла. Иванъ Карповичъ ходилъ, думалъ и удивлялся: обыкновенно онъ размышлялъ сосредоточенно, солидно и нѣсколько медлительно, — теперь же въ головѣ его кружился такой быстрый и безпорядочный вихрь думъ, желаній и плановъ, что ему даже странно дѣлалось, какъ одинъ случай можетъ породить такое громадное и неугомонное движеніе мысли.

Взошло солнце. Къ девяти часамъ Ивану Карповичу надо было идти на службу. Онъ вспомнилъ объ этомъ, когда часы пробили уже девять. Онъ не изумился и не испугался своей просрочки,

хотя за опозданіе, навѣрное, ждалъ выговора: и служба, и начальство были далеки и чужды ему въ эти минуты. Онъ машинально одѣлся, взялъ портфель, вышелъ; но передъ дверью въ переднюю его остановила трусость, властная, какъ сумасшествіе. Тишенко чувствовалъ себя рѣшительно не въ состояніи увидать Аннушку еще разъ такою, какъ минувшей ночью. „Если у нея глаза открыты — размышлялъ онъ, — я не знаю, что сдѣлаю . . . либо закричу на весь домъ, — либо ударю ее чѣмъ попало. Не пройти ли лучше чернымъ ходомъ? — Но гордость его возмутилась противъ этой мысли. Хоть и нерѣшительнымъ, зыбкимъ шагомъ, онъ все-таки вошелъ въ переднюю. Аннушка спала, сидя, откинувъ голову на спинку стула, повѣсивъ руки, какъ плети.

Лицо ея было желто, брови хмурились, ротъ раскрылся. Иванъ Карповичъ остановился было разглядѣть Аннушку пристальнѣе: что въ ней такъ сильно напугало его ночью? — Но вѣки спящей задрожали, и весь ночной ужасъ сразу вернулся

къ Тишенко; онъ выскочилъ на подъѣздъ, крѣпко захлопнулъ за собой дверь и зашагалъ по тротуару, какъ будто убѣгая отъ злой погони.

На службѣ Иванъ Карповичъ работалъ старательно, какъ всегда. Когда часовая стрѣлка приблизилась къ тремъ, возвѣщая скорый конецъ присутствія, онъ подошелъ къ своему сослуживцу Туркину, тоже среднихъ лѣтъ холостяку и бобылю:

— Ты гдѣ обѣдаешь сегодня?

— У себя въ „Азіи“... а что?

— Прими меня въ компанію, у меня дома обѣдъ не готовленъ.

— Послушай-ка, Иванъ Карповичъ, — спрашивалъ за обѣдомъ пріятеля Туркинъ, — или тебѣ нездоровится? Молчишь, лицо у тебя зеленое, глаза какъ у Пугачева. Нервы что ли? Такъ ты ихъ водочкой, водочкой...

Подъ вечеръ Туркинъ звонилъ у подъѣзда Тишенковой квартиры. Аннушка отворила ему.

— Что мнѣ вралъ Тишенко? — подумалъ Туркинъ, — ничего въ ней нѣтъ особеннаго... такая же, какъ была.

— Ну-съ Анна Васильевна, — бойко и развязно заговорилъ онъ, усаживаясь въ пальто и шляпѣ на подоконникѣ въ передней, — я къ вамъ отъ Ивана Карповича. Онъ вами очень недоволенъ. Не хорошо-съ, душа моя, очень не хорошо-съ. Иванъ Карповичъ поступаетъ съ вами благородно, а вы, вмѣсто того, дѣлаете ему разстройство. Ежели сказано вамъ: уходите,— значитъ, и надо итти, пока честью просятъ, а то можно и городового пригласить. Иванъ Карповичъ только шума не желаетъ, васъ жалѣя, — такъ вы это и цѣните! Забирайте свои пожитки и... это что же должно обозначать?!

Аннушка, не слушая Туркина, повернулась къ нему спиной и пошла во внутреніе покои. Туркинъ за нею. Онъ горячился, убѣждалъ, размахивалъ руками. Аннушка посмотрѣла на него, и онъ смутился и замолкъ.

— Не пойду... — услышалъ Туркинъ ея хриплый шепотъ.

— Чертъ знаетъ что такое! — разсуждалъ онъ, безпомощно стоя среди комнаты и постукивая цилиндромъ о колѣно,

— что съ ней станешь — будешь дѣлать? Въ самомъ дѣлѣ, чудная какая-то... ишь глядитъ! И впрямь за городовымъ не сходить ли? Такъ скандалъ будетъ, до начальства дойдетъ... нѣтъ, ужъ это — мерси покорно! Ну ее совсѣмъ и съ Иваномъ Карповичемъ! Своя рубашка ближе къ тѣлу! Пусть сами, какъ хотятъ, такъ и справляются со своими глупостями.

— Ну, братъ, — сконфуженно говорилъ Туркинъ, входя въ свой номеръ, гдѣ давно поджидалъ его Тишенко за цѣлой батареей пивныхъ бутылокъ, — упрямится твоя Миликтриса... и слушать не стала!..

Онъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— По моему, одинъ тебѣ способъ: возьми ты ее изморомъ. Номеръ у меня большой — живи... день-другой не покажешься, небось, не стерпитъ, уйдетъ... Да ты слушай, коли я говорю! Куда глядишь-то? о чемъ думаешь?

Иванъ Карповичъ тупо посмотрѣлъ на Туркина.

— Это ты хорошо сдѣлалъ, — сказалъ онъ.

— Что?

— А вотъ... городового не надо...

Туркинъ вглядѣлся въ его красное лицо и воспаленные глаза, сосчиталъ пивныя бутылки на столѣ и свистнулъ.

— Однако, Иванъ Карповичъ, ты, кажется, здорово „того“...

— Скажи ты мнѣ, Туркинъ, — тихо заговорилъ Тишенко, — что это у меня въ головѣ дѣлается?... Словно у меня тамъ жила лопнула со вчерашняго дня...

Я помню, когда былъ мальчишкой, такъ пульсовую жилу себѣ ножемъ перехватилъ. Кровь хлещетъ, порѣзъ саднѣетъ, а рука тяжелая, что каменная; столько изъ нея вытекаетъ, что, кажется, ей бы легче дѣлаться, а она, наоборотъ, словно тяжелѣетъ пуда на два съ каждой минутой... Вотъ теперь у меня въ мозгу происходитъ какъ будто точь-въ-точь такая же штука... Съ тобою не бывало?

— Никогда. Съ какой стати! У меня, братъ, мозги легкіе. А тебѣ я вотъ что скажу: ложился бы ты спать... а то мелешь съ пива невѣсть что!..

Назавтра Иванъ Карповичъ на службу не пошелъ. Туркинъ, вернувшись изъ

должности, опять нашелъ пріятеля за пивомъ. — Вторую полдюжину почали, — сообщилъ ему коридорный.

„Запилъ! — подумалъ Туркинъ, — скажите! я и не зналъ, что съ нимъ это бываетъ... Ну, пускай его пьетъ! Если человѣку мѣшать въ такомъ разѣ, — хуже: надо ему выдержать свой предѣлъ...“

Для Ивана Карповича наступила третья безсонная ночь. Просыпаясь по временамъ, Туркинъ неизмѣнно видѣлъ, что Тишенко бродитъ по номеру, бормочетъ что-то, потомъ подходитъ къ столу и пьетъ стаканъ за стаканомъ.

— Кончилъ бы ты эту музыку, — уговаривалъ его Туркинъ на другой день за обѣдомъ, — право, нехорошо; на себя непохожъ сталъ, не спишь... смотри: развинтишься въ конецъ... ну, и передъ начальствомъ неловко...

Иванъ Карповичъ, не слушая Туркина, протиралъ себѣ глаза.

— Попало что-нибудь?

— Красное... — не отвѣчая на вопросъ, сказалъ Тишенко.

— Что „красное“?

— Такъ... все. Это у меня бываетъ. Вдругъ заболитъ около темени, вискамъ станетъ холодно, а на лбу горячо!.. Очень непріятно!.. И — на что ни поглядишь, все красное... мутное и красное... Потрешь глаза — проходитъ... Брысь, подлая! — крикнулъ онъ, сбрасывая на полъ вскочившую на диванъ кошку.

— За что ты ее? Это наша любимица... ее вся „Азія“ холитъ, — упрекнулъ Туркинъ.

— Терпѣть не могу, когда всякая дрянь мечется подъ руку во время ѣды...

— Самъ же ты ее прикормилъ за эти дни, а ругаешься.

— Хочу и ругаюсь. Не твое дѣло. Избавь отъ замѣчаній...

Туркинъ струсилъ: у Ивана Карповича губы были совсѣмъ бѣлыя, а голосъ звучалъ громко, грубо и отрывисто... Навязалъ я себѣ нещечко на шею! — подумалъ чиновникъ, — пойти, провѣдать то другое сокровище... авось, надумалась, сговорчивѣй будетъ!“

Но напрасно звонилъ онъ у Аннушки. Блѣдное лицо показалось на мгновеніе въ окнѣ и, окинувъ Туркина невнимательнымъ взоромъ, скрылось.

— А Иванъ Карповичъ уснули, — доложилъ Туркину коридорный, когда тотъ вернулся въ сердцахъ отъ новаго конфуза. — Послѣ вашего ухода они все серчали... даже бутылку на полъ бросили и мнѣ подмести не позволили... сами ругаются, а промежду словъ все этакъ глаза себѣ кулаками вытираютъ... а потомъ и задремали!..

— Спитъ — и слава Богу!.. Стало быть, конецъ безобразію! радостно воскликнулъ Туркинъ.

Былъ второй часъ ночи; Туркинъ уже часа три какъ былъ въ постели и видѣлъ прекрасные сны. Грезился ему чудный садъ съ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, пестрыми клумбами, желтыми дорожками... все было красиво, чисто, аккуратно, — одно не хорошо: въ эдемъ этотъ доносился откуда-то ревъ, не то звѣриный вой, не то гнѣвный человѣческій крикъ.

Туркинъ оробѣлъ, началъ прислушиваться и вмѣстѣ съ тѣмъ просыпаться... Ревъ усилился, и стало совершенно ясно, что летитъ онъ не откуда-либо еще, а съ дивана, гдѣ вечеромъ уснулъ Иванъ Карповичъ. Въ ту же минуту Туркинъ сдернутъ былъ съ постели, какъ землетрясеніемъ, и, качаемый могучими руками за воротъ, за плечо, озадаченный и перепуганный на смерть, увидалъ надъ собою, при свѣтѣ предъиконной лампады, страшное багровое лицо съ выкатившимися бѣлками глазъ... Лицо дергалось безобразными гримасами, кривя запекшійся ротъ, изъ котораго вырывался густой, басовый, совершенно животный вой...

— Тишенко! что съ тобой?.. — завизжалъ Туркинъ.

„Допился!“ какъ молнія, мелькнула у него мысль...

— Иди къ ней! иди! — ревѣлъ Иванъ Карповичъ, чуть не ломая ему плечо желѣзными пальцами, — гони ее... о-о-о!.. изве... изве... ла... ме... ня... змѣ... змѣя...

Слова вылетали у него изъ гортани слогъ за слогомъ, какъ лай...

— Куда я пойду? — защищался Туркинъ, — сумасшедшій! опомнись! Теперь ночь...

— Не пойдешь? Ночь, говоришь, ночь! Ладно же! Я... я самъ... я пойду... — кричалъ Иванъ Карповичъ, колотя себя въ грудь кулаками, и вдругъ, согнувшись въ половину своего большого роста, какъ звѣрь, шмыгнулъ за дверь номера, сбивъ съ ногъ спѣшившаго на ночной шумъ коридорнаго...

— Караулъ! — завопилъ вслѣдъ ему освобожденный Туркинъ, но Тишенко уже сбѣгалъ по лѣстницѣ, качаясь, спотыкаясь о ступеньки, колотясь о перила. Онъ ничего не видѣлъ передъ собой — красная мгла застилала ему глаза, — но бѣжалъ впередъ по слѣпому неистовому инстинкту...

— Вошелъ? Ты говоришь, вошелъ? — торопливо спрашивали дворника дома, гдѣ квартировалъ Тишенко, подоспѣвшіе вслѣдъ за бѣшенымъ Туркинъ и околоточный...

— Какъ же: во дворъ прошли и прямо по черной лѣстницѣ...

— Что-жъ ты его не держалъ? Развѣ не видалъ, что человѣкъ не въ себѣ?! — озлился околоточный.

— Да мнѣ и то чудно показалось, какъ это они безъ шапки...

— То-то „чудно"! А еще дворникъ... животное!.. Городовые! Карповъ! Филатовъ! ступай впередъ по лѣстницѣ...

Въ квартирѣ Ивана Карповича была тишь и темь. Околоточный чиркнулъ спичкою и освѣтилъ пустую кухню... Въ сосѣдней комнатѣ, столовой, валялся на полу подсвѣчникъ съ потухшею, разбитою на куски, свѣчой... Туркинъ подобралъ огарокъ, зажегъ...

— Господи, помилуй! охнулъ дворникъ, и всѣ попятились: изъ-подъ двери спальной ползла въ столовую черная широкая струя...

Аннушка — еще теплая и трепещущая — лежала за дверью съ проломанною головою. Орудіе убійства — утюгъ — Ти-

шенко бросилъ тутъ же... Самого его нашли въ передней: сидя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно его напугала Аннушка, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ съ самымъ спокойнымъ и довольнымъ выраженіемъ на утомленномъ лицѣ...

Москва
1888

РЕБЕНОКЪ

МАРЬѢ Николаевнѣ Гордовой предстояло тайное и крайне непріятное объясненіе. Она услала изъ дома кухарку, опустила на окнахъ шторы и, въ волненіи, ходила взадъ и впередъ черезъ всѣ три комнаты своей небогатой квартиры, выжидая звонка въ передней.

Марьѣ Николаевнѣ тридцать лѣтъ. Она — крупная блондинка, довольно статная, но съ чрезмѣрно развитыми формами; притомъ въ ея фигурѣ есть что-то пухлое, вялое, дряблое. Лицо у нея бѣлое, безъ румянца, въ легкихъ веснушкахъ подъ глазами, свѣтло-голубыми, очень красивыми и неглупыми: физіономія осмысленная, но безхарактерная и нѣсколько чувственная. Марья Николаевна не замужемъ, но у нея есть любовникъ, и она только что вернулась въ Петербургъ изъ Одессы, куда уѣзжала на цѣ-

лыхъ шесть мѣсяцевъ, чтобы скрыть беременность и роды. Этого своего любовника она и ждетъ теперь.

Семья Марьи Николаевны — безденежная, разстроенная, безъ главы въ домѣ. Гордова — сирота и живетъ вмѣстѣ съ двумя старушками-тетками, цѣлые дни блуждающими по Петербургу, разнося знакомымъ сплетни, вѣсти, хозяйственные и врачебные совѣты, являясь въ одинъ домъ на положеніи „своихъ", въ другой — просто прихлебательницами.

Квартира пустуетъ съ утра до вечера. Марья Николаевна тоже мало сидитъ дома, — у нея много знакомыхъ. Ее любятъ въ интеллигентномъ обществѣ: она не безъ образованія, кое-что читала, умѣетъ поговорить объ умномъ, далеко не prude и въ бесѣдахъ съ мужчинами не теряется. За пышные золотые волосы, высокую грудь и вкусныя плечи за нею много ухаживали; она это любила, пробовала силы своего кокетства чуть ли не на каждомъ мужчинѣ, но замужъ упорно не шла. „Успѣю!" думала она, разсматривая въ зеркалѣ свое моложавое лицо.

Однимъ изъ побѣжденныхъ Марьей Николаевной былъ частный повѣренный Василій Ивановичъ Ивановъ — человѣкъ съ не очень большимъ достаткомъ, но и не нуждающійся. Онъ вышелъ въ люди самоучкою, изъ простого званія, но далеко не пошелъ и особыми талантами не отличался. Зачѣмъ Марья Николаевна пристегнула этого скромнаго, кроткаго и не слишкомъ далекаго господина къ сонму своихъ поклонниковъ, — неизвѣстно. Должно быть, — для коллекціи, потому что для такой избалованной дѣвушки Василій Ивановичъ вовсе не былъ находкою, да къ тому же былъ женатъ, хотя жилъ врозь съ женой, простой женщиной, не дававшей ему развода. Ивановъ былъ очень влюбленъ въ Марью Николаевну и долгое время выносилъ ея капризы, дурачества и мелкія женскія тиранства съ терпѣливой выносливостью истаго Тогенбурга. Но однажды, оставшись наединѣ съ нею, онъ, подъ вліяніемъ ея заигрываній, совершенно неожиданно „сбѣсился", выказалъ совсѣмъ ему не свойственную предпріимчивость

и овладѣлъ дѣвушкой. Съ ея стороны любви тутъ никакой не было, но по женскому фатализму, по страсти доказывать себѣ разумность и логичность всѣхъ своихъ поступковъ, Марья Николаевна поторопилась увѣрить себя, что любитъ Иванова. Ивановъ же разбираться въ фактахъ не любилъ и не умѣлъ, а принималъ ихъ непосредственно: „отдалась, — значитъ, любитъ". Началась связь, и вскорѣ любовники, дѣйствительно, довольно тѣсно свыклись другъ съ другомъ. Ивановъ принялся усиленно хлопотать о разводѣ, но жена поддавалась на его убѣжденія туго и требовала съ мужа весьма крупную сумму денегъ. Тѣмъ временемъ Марья Николаевна забеременѣла. Это — какъ водится — поразило любовниковъ ужасомъ: они совсѣмъ потерялись, не знали, что предпринять, раздражались другъ противъ друга и ссорились. Наконецъ Василій Ивановичъ списался съ одной повивальной бабкой въ Одессѣ, и вскорѣ Марья Николаевна уѣхала, никѣмъ не заподозрѣнная. То обстоятельство, что тайну

оказалось возможно скрыть, опять примирило и сблизило любовниковъ — они разстались друзьями и часто переписывались.

Марья Николаевна родила сына. Роды были трудные, а за ними послѣдовала болѣзнь. Переписка прервалась на цѣлые два мѣсяца; когда же возобновилась, то Василій Ивановичъ началъ получать письма вялыя, лѣнивыя, въ какомъ-то натянутомъ тонѣ и съ чѣмъ-то недосказаннымъ въ содержаніи, — словно Марьѣ Николаевнѣ смерть какъ не хотѣлось писать и, насилуя свою волю, она исполняла скучную и непріятную обязанность. Потомъ совсѣмъ замолкла. Василій Ивановичъ терялся въ догадкахъ, что съ нею, какъ вдругъ получилъ городскую телеграмму, что Марья Николаевна уже въ Петербургѣ и ждетъ его тогда-то къ себѣ, потому что „надо поговорить“.

Василій Ивановичъ смутился и отъ неожиданности, и отъ краткости телеграммы.

„Надо поговорить . . . Ну, да, разумѣется, надо поговорить, если мужъ и жена (Ивановъ уже считалъ Марью Николаевну женою) не видались полгода. Но

какъ странно Маня пишетъ! Выходитъ, какъ будто она зоветъ меня потому только, что надо поговорить... Э! тьфу! чертъ! какія нелѣпости лѣзутъ въ голову... просто глупая бабья редакція телеграммы, — и ничего больше! А странно однако, что Маня пріѣхала такъ нечаянно, не предупредивъ, — точно съ неба упала..."

Такъ думалъ Ивановъ, шагая въ отдаленную улицу, гдѣ жили Гордовы. Чѣмъ ближе былъ онъ къ цѣли, тѣмъ блѣднѣе становились его опасенія и сомнѣнія. Радость близкаго свиданія съ любимой женщиной заливала его душу волною такого полнаго, свѣтлаго счастья, что чернымъ думамъ, если бы даже онъ хотѣлъ ихъ имѣть, не оставалось мѣста въ умѣ, — порывъ любви былъ сильнѣе.

Ивановъ вошелъ къ Гордовой бойко, развязно, даже шумно и широко раскрылъ ей объятія. Она встрѣтила его растерянно и нерѣшительно подставила ему свои губы; когда же поцѣлуй затянулся слишкомъ долго, на ея покраснѣвшемъ лицѣ выразились испугъ и смущеніе. Она

уперлась въ грудь Иванова ладонями и незамѣтно освободилась изъ его рукъ. Затѣмъ сѣла на диванъ, сдвинувъ какъ бы нечаяннымъ движеніемъ кресла и круглый столъ такъ, что они совсѣмъ загородили ее; подойти и подсѣсть къ ней стало нельзя.

— Какъ ты поздоровѣла и похорошѣла! восторгался Ивановъ. — Ты помолодѣла на десять лѣтъ.

Марья Николаевна отвѣчала на возгласы Иванова сдержанно и боязливо, такъ что онъ наконецъ не безъ недоумѣнія взглянулъ на нее: въ ея лицѣ ему почудилось нѣчто скучливое, усталое и насильно затаенное — словно ей надо высказать что-то, а она не смѣетъ. Иванова кольнуло въ сердце нехорошимъ предчувствіемъ, онъ осѣкся въ рѣчи, пристальнымъ испуганнымъ взоромъ уставился въ лицо женщины и увидѣлъ: она тоже поняла, что онъ проникъ ея состояніе, тоже испугалась и такъ же странно на него смотритъ. Тогда ему страшно захотѣлось, чтобъ она раздумала говорить то затаенное, что ей надо и чего

она не смѣетъ сказать. Но Марья Николаевна уже рѣшилась. Она порывисто встала и оттолкнула кресла.

— Нѣтъ, такъ нельзя! — сказала она, ломая свои безкровные бѣлые пальцы,— я не хочу... я должна сказать прямо... Послушайте! Между нами больше не можетъ быть ничего общаго. Не ждите, что наши отношенія продолжатся... Я затѣмъ и звала васъ, чтобы сказать... Вотъ!

Залпомъ, въ одинъ духъ, высказавъ все это, она отвернулась къ зеркалу и, задыхаясь, стала — безъ всякой надобности — поправлять свою прическу. Ивановъ стоялъ совсѣмъ ошеломленный.

— Что съ тобой, Маня? — жалко улыбнулся онъ наконецъ.

Она не отвѣчала. Тогда онъ побагровѣлъ, на лбу его надулась толстая синяя жила, глаза выкатились, полные тусклымъ свинцовымъ блескомъ; онъ шагнулъ впередъ, бормоча невнятныя слова. Марья Николаевна вскрикнула и, обратясь къ Иванову лицомъ, прижалась спиной къ зеркальному стеклу. Ивановъ отступилъ, провелъ по лицу рукой, круто повернулся

на каблукахъ и зашагалъ по гостиной, повѣсивъ голову на грудь, съ руками, закинутыми за спину. Марья Николаевна слѣдила за нимъ округленными глазами и со страхомъ, и съ отвращеніемъ.

Онъ остановился передъ нею.

— Давно это началось? — спросилъ онъ, глядя въ сторону.

— Что?

— Ну... да вотъ это! — вскрикнулъ онъ нетерпѣливо и, не дожидаясь отвѣта, махнулъ рукой и опять зашагалъ.

Марья Николаевна растерялась. Когда это началось? — она сама не знала. Не то до, не то послѣ родовъ. Она помнила только, что, когда въ Одессѣ ей было скучно или больно, ею овладѣвала тупая, узкая, сосредоточенная тоска и въ эти минуты у нея не было иной мысли, кромѣ раскаянія въ нелѣпой своей связи. „За что я страдаю и буду страдать?“ думала она, сперва обвиняя себя одну.

Какъ эгоистическій инстинктъ самооправданія привелъ ее отъ нападокъ на себя къ нападкамъ на Иванова, — она не замѣтила. Взвѣшивая сумму позора,

лжи, болѣзни и непріятностей, полученныхъ отъ ея связи, она находила эту сумму слишкомъ большою сравнительно съ наслажденіемъ, подареннымъ ей любовью, — и, съ чисто женскимъ увлеченіемъ, обостряла сравненіе, преувеличивая свои печали и унижая радости. Въ ней уже не было любви, ни даже страсти, но стыдъ сознаться себѣ, что она безъ любви принадлежала мужчинѣ и скоро будетъ имѣть отъ него ребенка, не позволялъ ей ясно опредѣлить свои отношенія къ Иванову. „Да я люблю . . . — насильно думала она, — но какая я была дура, что полюбила!“ Но послѣ родовъ — подъ впечатлѣніемъ страшнаго и поздняго физическаго переворота въ тѣлѣ своемъ — она вся словно переродилась. Удрученная болѣзнью, она не имѣла ни времени, ни охоты останавливаться мыслью на чемъ-либо помимо своего здоровья, а между тѣмъ, когда она встала съ постели, то вопросъ ея связи оказался уже непроизвольно рѣшеннымъ, втихомолку выношеннымъ въ умѣ и сердцѣ. Она встала съ чувствомъ рѣзкаго отвращенія къ прошлому году своей жиз-

ни. Ей какъ-то стало не стыдно теперь думать, что любви не было, — наоборотъ, казалось, что было бы стыдно, если бы была любовь. Свое паденіе она считала болѣе или менѣе искупленнымъ чрезъ рожденіе ребенка и болѣзнью, и теперь у нея осталось только удивленіе, какъ съ нею могла сплестись эта связь.

— Это безуміе, мерзость! съ отвращеніемъ думала она.

Василій Ивановичъ сталъ противенъ ей по воспоминаніямъ. Когда она представляла себѣ его фигуру, лицо, руки, она себѣ не вѣрила, что это тотъ самый человѣкъ, кому она принадлежала. „Какъ можно было любить его? И онъ... какъ онъ смѣлъ подумать, что я его люблю?“ Ей понравилась возможность выгораживать себя въ своемъ паденіи, распространять свое новое отвращеніе и на прошлое время, увѣрять себя, будто Василій Ивановичъ всегда былъ противенъ ей, будто она — жертва, взятая силой. И она себя увѣрила. И безпричинная, и тѣмъ болѣе лютая, что безпричинная, злоба къ Иванову разгорѣлась еще силь-

нѣе и упорнѣе. Мало-по-малу Марья Николаевна совсѣмъ потерялась въ морѣ навязанныхъ себѣ лжей и недоумѣній. Къ тому времени, какъ ѣхать въ Петербургъ, она окончательно перепутала свой дѣйствительный міръ съ выдуманнымъ, Иванова настоящаго — съ фантастическимъ, загубившимъ ее звѣремъ, котораго она боялась, ненавидѣла, чьи узы надо было съ себя сбросить во что бы то ни стало. Когда онъ вошелъ къ ней, она держала въ своемъ умѣ образъ фантастическій, и только страхъ заставилъ ее принять поцѣлуй Иванова; затѣмъ черезъ секунду образъ фантастическій смѣнился настоящимъ, страхъ исчезъ, остались только отвращеніе и рѣшимость отвязаться. Тогда-то Марья Николаевна и заговорила, и вышло все, что случилось. Не могла же она передать всего этого двумя словами, а много говорить она не хотѣла и боялась, что не сумѣетъ, а потому упорно и тупо молчала, враждебно глядя предъ собой.

— Послушай, Маня... — возвысилъ голосъ Ивановъ, хрипя и съ трудомъ проглатывая вдыхаемый воздухъ, — по-

слушай... отчего же это такъ? Вѣдь я... я, кажется, ничего не сдѣлалъ тебѣ такого, за что бы можно было такъ круто перемѣниться ко мнѣ...

Марья Николаевна ободрилась: звѣрь былъ рѣшительно неопасенъ!

— Да, вы — ничего, то есть, по крайней мѣрѣ... ничего новаго... Но я — много.

— Ты другого полюбила? — быстро спросилъ Ивановъ, блѣднѣя.

— Нѣтъ... я никого не люблю... Я только много думала и вглядывалась въ наши отношенія и убѣдилась, что мы съ вами не пара.

Ивановъ, молча, барабанилъ пальцами по столу.

— Что же такъ поздно, Маня? — съ горечью сказалъ онъ, качая головой, — я вѣдь такой же, какъ и былъ. Я, вѣдь, часто тебѣ говорилъ, Маня: ты и умница, и красавица, и образованная, а я — что я предъ тобою? Сама же ты мнѣ зажимала ротъ: молчи! я тебя люблю! А теперь, когда я думалъ, что мы связаны неразрывно, когда у насъ есть ребе-

нокъ... ты теперь вдругъ сама разрушаешь нашу любовь...

— Не говорите про любовь! Какая любовь? Ея не было!

— Какъ не было? Маня! что ты?

— Никогда, никогда!

— Ты не любила меня?

— Нѣтъ!

— Да что же тогда было между нами?! — вскричалъ онъ, разводя руками, — я не понимаю! Ты знаешь, что я всегда смотрѣлъ на тебя свято, какъ — не хвалясь скажу — рѣдкій мужъ смотритъ на жену... а ты говоришь: не было любви! Что же было?

— Грязь была... безумiе!

— Маня! Опомнись, что ты говоришь! Не клевещи на себя! Вспомни, что предъ тобой — отецъ твоего ребенка! Ты мать и навѣрное его любишь! Какъ же тебѣ не совѣстно обижать его, называть его плодомъ... безумiя, то есть, попросту сказать... разврата?..

Красные огоньки забѣгали въ глазахъ Марьи Николаевны, и кровь прилила къ вискамъ.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить? — закричала она. — Я? я развратная? И это ты сказалъ? ты смѣешь плевать на меня? ты, погубившій меня? ты, кого я не знаю, какъ проклинать? Ты... подлецъ! ты силой взялъ меня!.. Ай!

Она отпрыгнула въ сосѣднюю комнату, потому что Ивановъ, съ почернѣвшимъ отъ бѣшенства лицомъ, бросился на нее, крутя надъ головою сжатыми кулаками. Теперь онъ былъ дѣйствительно похожъ на выдуманнаго Марьей Николаевной звѣря. Онъ догналъ ее и, схвативъ за плечи, толкнулъ такъ, что она, перелетѣвъ чрезъ всю комнату, ударилась о стѣну плечомъ и упала на колѣни.

— Не лгать! — завопилъ онъ, — слышишь? Все — кромѣ лжи! Ты сама знаешь, что клевещешь! Я на тебя Богу молился, и я не подлецъ!.. Охъ!

Онъ бросилъ растерянный взглядъ, ища стула, направился было къ нему, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, сѣлъ на полъ и, всхлипнувъ, какъ ребенокъ, закрылъ лицо руками. Марья Николаевна

глядѣла на него мрачно: ей не было его жаль, — у нея ныло ушибленное плечо... Гнѣвное негодованіе Василія Ивановича было слишкомъ правдиво, чтобы спорить съ нимъ, но Марья Николаевна была такъ возбуждена, что охотно бросила бы ему въ лицо снова свою клевету, если бы не боялась. Наплакавшись, Ивановъ всталъ и заговорилъ тихо и спокойно.

— Маня, ты, конечно, вольна въ своихъ чувствахъ, и можешь думать обо мнѣ, какъ хочешь. Но я все-таки полагаю, что не имѣю права разстаться съ тобою, не передавъ тебѣ одного дѣла. Моя жена наконецъ согласилась... даетъ мнѣ разводъ. Хочешь ты...

— Ни за что! — перебила она его рѣзко, — ни за что! Вы мнѣ ужасны и... противны! Не желайте меня въ жены! Вы бы имѣли во мнѣ врага вездѣ — въ обществѣ, въ дѣлахъ, въ кухнѣ, въ спальнѣ...

— Съ врагами мирятся, Маня!

— Можетъ быть, но я не могу.

Она нѣсколько смягчилась и заговорила спокойнѣе:

— Послушайте! я не знаю, какъ это случилось, что я почувствовала къ вамъ такое отвращеніе, но я не могу. Вся моя гордость кипитъ уже оттого, что я принадлежала вамъ, а вы хотите, чтобы я была вашею женою! Да меня замучитъ одно сознаніе вашихъ правъ на меня, необходимость носить вашу фамилію... Я бы съ наслажденіемъ сорвала съ себя кожу тамъ, гдѣ вы цѣловали и обнимали меня, а вы хотите, чтобы я жила съ вами!

— Тогда толковать нечего! Но откуда это? откуда?.. Послушай... послушайте, Маня, увѣрены ли вы, что вы вполнѣ здоровы?..

Марья Николаевна покраснѣла. Мысль, что ея настроеніе не совсѣмъ нормально, приходила ей самой въ голову еще въ Одессѣ, и однажды она безъ утайки разсказала свое состояніе мѣстной медицинской знаменитости, явившись къ почтенному эскулапу incognito, подъ чужимъ именемъ. Докторъ съ любопытствомъ выслушалъ ее, пожалъ плечами, развелъ руками и сказалъ только:

— Бываетъ!

— Значитъ, я больна?

— Да, если только вы считаете, что были здоровы, когда влюбились...

— А если нѣтъ?

— Тогда вы теперь здоровы, а раньше были больны.

— Это не отвѣтъ, докторъ!

— Что же я могу еще сказать вамъ? У васъ вонъ родильная горячка была, да и роды — первые, поздніе, трудные... Вѣдь это не шутки для организма, но буря, коренной переломъ-съ! Мало ли какіе аффекты получаются у выздоравливающихъ... Вы же еще истеричны.

— И такъ... это временное? — съ испугомъ спросила Марья Николаевна.

— Все, что мы испытываемъ, временно, сударыня.

— Мнѣ надо лѣчиться?

— Лѣчиться никогда не лишнее...

— Ахъ, докторъ, вы смѣетесь надо мною!

— И не думаю, и не смѣю, но я, право, не знаю, что вамъ сказать. Вы теперь преисполнились отвращеніемъ къ вашему супругу и полагаете, что больны...

— Нѣтъ, я думаю, что я здорова!

— Въ такомъ случаѣ что же мнѣ прикажете дѣлать? Остается поздравить васъ съ выздоровленіемъ и посовѣтовать не заболѣвать вновь... то есть, попросту сказать, не влюбляться...

— Но вѣдь я связана съ этимъ человѣкомъ, докторъ! Онъ имѣетъ права на меня!

— Ну-съ, тутъ ужъ я рѣшительно ничѣмъ помочь не могу: это внѣ компетенціи моей науки...

— Сдѣлайте такъ, чтобъ это прошло!

— То есть, лѣчить васъ отъ здоровья и приворотный корень вамъ дать? Да его въ аптекахъ не обрѣтается. Вотъ что, сударыня, — послѣдній вамъ сказъ: отправляйтесь-ка вы къ своему супругу и поступайте, какъ вамъ душа подскажетъ, какъ взглянется... Всего вѣроятнѣе, что вся эта исторія, когда нервы замолчатъ и улягутся, кончится и рѣшится въ самую желательную сторону... безъ всякихъ трагедій, разрывовъ и прочаго... Ну, а если нѣтъ, если не стерпится и не слюбится, ваше дѣло, какъ поступить... Лѣкарствище отъ нервовъ

я вамъ пропишу... Имѣю честь кланяться!..

Марьѣ Николаевнѣ показалось обиднымъ, что ея состояніе объясняютъ афектомъ, движимымъ лишь физіологическими причинами. Какъ весьма многія, она рѣзко раздѣляла свой физическій и духовный міръ и придавала вліянію тѣла на душу гораздо меньше значенія, чѣмъ обратно. Ей стало и противно, и досадно, что ея отвращеніе къ Иванову хотятъ лѣчить насильственной близостью къ нему же.

Эта бесѣда съ докторомъ вспомнилась ей теперь. Она нахмурилась и ничего не отвѣтила Иванову.

Василій Ивановичъ взялъ въ руки свою шляпу и повертѣлъ ее въ рукахъ.

— Теперь послѣдній вопросъ, — сказалъ онъ, — гдѣ мой ребенокъ?

— Здѣсь, въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ вы привезли его сюда?

— Затѣмъ, что я люблю его и хочу иногда видать.

— Онъ у кормилицы?

— Да.

— Я могу его видѣть?

Марья Николаевна задумалась.

— Я не смѣю отказывать вамъ въ этомъ правѣ... вы отецъ. Но зачѣмъ? Я не уступлю вамъ его!

— Да? Вы такъ привязались къ этому... плоду безумія и насилія? — горько упрекнулъ онъ.

— Да, мнѣ все равно, какъ онъ явился. Я выносила его. Я мать.

— Дайте же мнѣ взглянуть на него.

Марья Николаевна пожала плечами.

— Хорошо. Пойдемте. Я не успѣла еще найти квартиру для мамки. Она въ меблированныхъ комнатахъ.

— Сейчасъ итти?

— Да. Лучше все кончить сразу, чтобы больше не встрѣчаться...

— Пусть будетъ по-вашему!

Четверть часа спустя они вошли въ довольно приличныя меблированныя комнаты. Кормилка, уродливая баба съ добрымъ и глупымъ лицомъ, дико оглядѣла Иванова и, по приказанію Марьи Николаевны, вышла. Ребенокъ, — здоровый, крѣпкій, какъ кирпичъ, толстый и красный, — лежалъ на подушкахъ, сложен-

ныхъ на большомъ мягкомъ креслѣ. Онъ спалъ крѣпко и съ наслажденіемъ, какъ умѣютъ спать только грудные ребята.

— Вотъ! — сказала Марья Николаевна мягко, съ безпредѣльною лаской глядя на ребенка.

Ивановъ, обогрѣвшись, чтобы не принести ребенку холода, на цыпочкахъ подошелъ къ подушкамъ. Умиленное выраженіе расплылось и застыло у него на лицѣ, просвѣтляя недавнюю печаль.

— Можно его поцѣловать? — прошепталъ онъ.

— Проснется... — нехотя отвѣчала Гордова.

Но Василій Ивановичъ уже нагнулся и поцѣловалъ ребенка въ лобъ. Мальчикъ сморщилъ носъ, но пребылъ въ прежнемъ безмятежномъ состояніи.

— Какъ вы довезли его двухмѣсячнаго? Такой маленькій!

— Онъ спокойный.

— Мамка эта съ самаго начала его кормитъ?

— Да. Хорошая женщина.

— По лицу замѣтно. Какъ же дальше-то съ нимъ быть?

— Думаю найти ему помѣщеніе... поселить съ мамкою.

— Прямо въ чужія руки? Эхъ, мальчишка бѣдный!

Онъ склонился надъ ребенкомъ. — Марья Николаевна сурово посмотрѣла на него, открыла ротъ, хотѣла что-то сказать, но остановилась и, рѣзко отвернувшись, принялась глядѣть въ сторону. Ивановъ поднялъ на нее влажные глаза.

— Вы что сказали?

— Я ничего не говорила. Хотѣла только... да лишнее!

Онъ опять обратился къ ребенку. Марья Николаевна, въ волненіи, прошлась по комнатѣ.

— Мнѣ такъ хотѣлось самой кормить его, сказала она внезапно.

Ивановъ сочувственно кивнулъ ей головой.

— Нельзя! Незаконный! Репутація не позволяетъ... — раздраженно продолжала она. — Экій бѣднякъ съ перваго дня рожденія!.. И такъ на всю

жизнь... безъ отца, безъ матери! Не признаю же я его своимъ: смѣлости не хватитъ... Быть можетъ, когда-нибудь замужъ задумаю выйти, — кто меня съ нимъ возьметъ? Кому онъ нуженъ? Несчастная звѣзда освѣтила насъ съ нимъ!

Ивановъ молчалъ и все глядѣлъ на ребенка.

— Онъ на васъ похожъ... вотъ что я хотѣла сказать! — сердито бросила ему Марья Николаевна.

— Развѣ? — радостно проговорилъ Василій Ивановичъ.

— А вы не видите сами?

Какая-то новая струнка задрожала въ ея голосѣ. Она сама не знала, что творится съ нею; тепло лилось ей въ душу изъ этой дѣтской постельки, умиротворяло ея гнѣвъ, ненависть и презрѣніе; голосъ чувственной брезгливости внезапно замолкъ. Ей нравилось стоять у изголовья спящаго ребенка; нравилось, что Ивановъ сидитъ надъ нимъ съ такимъ честнымъ, преданнымъ, отцовскимъ лицомъ; нравилось сознавать, что, пока

они двое здѣсь, ребенокъ не одинокъ въ громадномъ свѣтѣ и не беззащитенъ.

— Что съ нимъ будетъ! что съ нимъ будетъ!.. — воскликнула она, всплеснувъ руками.

Ивановъ подошелъ къ ней.

— Вы его очень любите, Маня. Я тоже.

Она смотрѣла въ землю.

— Не женатые и во враждѣ другъ съ другомъ, что мы можемъ сдѣлать для него, Маня. Погубимъ.

Она молчала.

— Выходите за меня замужъ, Маня! Пусть я не буду мужемъ вамъ, но помогите мнѣ спасти ребенка.

Она взглянула на него какъ спросонья:

— Я была неправа... — сказала она тихо.

— Когда, Маня?

— Погодите... я говорила, что у насъ съ вами нѣтъ ничего общаго... Я ошиблась: надо сказать — не было... теперь есть... Послушайте!

Она схватила его за руку.

— Простите меня: я, дѣйствительно, разлюбила васъ... Но мнѣ начинаетъ

казаться, что я была неправа, что я не имѣла права этого дѣлать... и, во всякомъ случаѣ, не имѣла права гнать васъ... теперь... Мы съ вами не подходящіе другъ къ другу люди, но случай ли, другое ли что, соединили насъ, къ сожалѣнію, навсегда. Я мать, вы отецъ... между нами этотъ ребенокъ: чужими мы уже не можемъ стать; можемъ стать врагами — чужими нѣтъ...

— Я тоже думаю, — спокойно сказалъ Ивановъ, — когда вы заговорили, что, если выйдете за меня, то будете мнѣ врагомъ, тутъ я и подумалъ...

— Да... Мы можемъ ненавидѣть другъ друга, у насъ могутъ выходить ужасныя сцены, а мы все-таки свои... Какъ это странно!.. Меня удивило, что, послѣ нашего объясненія, мы такъ мирно и тихо стоимъ здѣсь возлѣ кроватки... Послушайте! Неужели вы можете меня любить послѣ нашего разговора?!

Василій Ивановичъ задумался.

— Право, не знаю, Маня. Прежняго, кажется, не будетъ, но... я знаю одно:

намъ нельзя разстаться, — нечестно будетъ... и я не хочу разставаться.

— Долгъ?

— Да... долгъ и человѣчность.

Она покачала головой.

— Ахъ, что мнѣ дѣлать ?!

— Выходите за меня замужъ, право... Клянусь вамъ, я не буду докучать вамъ своей любовью, вы отбили меня охоту къ этому. Даю вамъ слово: это мое предложеніе — уже не вамъ, а нашему мальчику... Нельзя, чтобъ онъ остался безъ отца и безъ матери...

Марья Николаевна строго взглянула ему въ глаза.

— Вы даете мнѣ слово, что не будете предъявлять на меня никакихъ правъ?

— Да... до тѣхъ поръ, пока вы первая не сдѣлаете шага ко мнѣ. Не безпокойтесь: какъ я ни смиренъ, у меня есть и характеръ, и самолюбіе... А вы меня очень оскорбили.

— Хорошо. Тогда я согласна. Я довѣрюсь вамъ. Вотъ вамъ моя рука.

Она печально улыбнулась.

— Сердца, извините, не могу предложить... Оно молчитъ...

— И за то спасибо: еще полчаса тому назадъ оно кричало противъ меня... Итакъ начинать разводъ?

— Да... — съ усиліемъ выговорила Марья Николаевна и, подойдя къ окну, стала смотрѣть въ надвигавшіяся петербургскія сумерки.

— А все-таки не люблю... противно мнѣ... Исполнить долгъ хорошо... только это никого еще не наградило счастьемъ... Кончена моя жизнь!.. Прощай молодость! — думала она, и слезы текли по ея щекамъ.

Тифлисъ
1890.

